

міжнародним правом як злочин проти людяності або як воєнний злочин, як правило, відмінний від геноциду. У вітчизняному праві не відбулася судова або нормативна кримінально-правова кваліфікація депортацій за етнічною ознакою; ці дії визнаються у вітчизняному праві як абстрактний злочин.

У такій ситуації депортація радянською владою етнічних груп, зокрема, кримськотатарського народу, може кваліфікуватися як злочин проти людяності, відмінний від геноциду. Водночас така депортація може кваліфікуватися і як геноцид – за умов доведення наміру радянської влади, що здійснювала депортацію, здійснити повне або часткове знищення відповідної етнічної групи.

Галушко Д.В.,

*Воронежский государственный университет,
доцент кафедры международного и европейского права,
кандидат юридических наук*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Устойчивое развитие в международном праве определяется как «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [The United Nations World Commission on Environment and Development Report (the Brundtland Report) Our Common Future. - New-York, 1987]. В контексте государственных мероприятий и политических мер, оно определяется как «государственные усилия по достижению прогресса (развития), при условии, что такие усилия должны быть возможны для поддержания в долгосрочной перспективе» [Bugge C., Voigt C. Sustainable Development in International and National Law. - Europa Law Publishing, 2008. - P. 88].

Устойчивое развитие предполагает симбиотический баланс между двумя направлениями деятельности, которые часто изображаются как взаимоисключающие: сохранение окружающей среды, а также экономическое и социальное развитие. Устойчивое развитие выступает за принятие политики,

которая бы защищала окружающую среду от деградации. Оно также подчеркивает всесторонний и комплексный подход к экономическим и социальным процессам развития за счет рационального и продуманного использования окружающей среды таким образом, что она будет сохраняться для будущих поколений [Kuokkanen T. *International Law and the Environment*. - Kluwer Law International, 2002. - P. 333].

В сущности, устойчивость, в самом широком смысле слова, относится к использованию окружающей среды и ее ресурсов в размере менее или равном естественному уровню регенерации или репродукции [Pearce D., Turner K.R. *Economics of Natural Resources and the Environment*. - Baltimore: The John Hopkins University Press, 1990. - P. 24]. Она заключается в том, чтобы наше использование окружающей среды сегодня не должно уменьшать её полезности для будущих поколений.

Так, например, в решении по делу *Gabcíkovo-Nagymaros Project* (Hungary/Slovakia), Международный суд ООН отметил, что «необходимость согласования экономического развития с защитой окружающей среды ясно выражается в концепции устойчивого развития» [URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/92/7375.pdf> (дата обращения: 13.06.2015 г.)].

Дело *Gabcíkovo* возникло из договора, подписанного в 1977 году между Венгрией и Чехословакией. После распада последней правопреемницей договора стала Словакия. Этот Договор касался строительства системы шлюзов на реке Дунай для совместной эксплуатации сторонами, а также для производства гидроэлектроэнергии, улучшения навигации и защиты от наводнений. Строительство началось в 1978 году. В условиях растущего внутреннего экологического беспокойства и критики, правительство Венгрии приостановило работы по своей части проекта в 1989 году и, в конечном счете, отказалось от договора в 1992 г. Венгерское правительство утверждало, что экологические риски проекта, в том числе, сокращение водных потоков, способно навредить качеству воды, а также нанесет вред «речным фауне и флоре». Чехословакия впоследствии инициировала «односторонний отвод русла

реки» на своей территории как запасной «Вариант С» в качестве альтернативы к исходному проекту. Это привело к значительному сокращению потока Дуная ниже по течению в Венгрию.

Перед судом были поставлены три вопроса: во-первых, имела ли Венгрия право отказаться от проекта; во-вторых, была ли Чехословакия вправе выполнять вышеуказанные работы по «Проекту С», в-третьих, имела ли Венгрия право расторгнуть договор.

В отношении первого требования, суд постановил, что Венгрия нарушила Договор, отказавшись от работы над проектом, и что она не могла ссылаться на утверждение об экологической необходимости в оправдание для своих действий. Во-вторых, было установлено, что Чехословакия действовала незаконно лишая Венгрию её законного справедливого и разумного права использования реки, реализовав свой «Проект С». Наконец, Суд определил, что отказ Венгрии от Договора также был неправомерен. Различные аргументы Венгрии, в том числе в отношении новых норм международного экологического права, в обоснование своего отказа от исполнения Договора, Судом были отклонены. Принимая аргумент Венгрии о том, что новые экологические нормы имеют отношение к интерпретации Договора, Суд подчеркнул важность окружающей среды, но не как абстракцию, а как представляющую «жизненное пространство, качество жизни и здоровье человека, в том числе и для неродившихся поколений». Также Суд отметил, что: как право на развитие, так и право на охрану окружающей среды являются принципами, входящими в настоящее время в общее содержание международного права. Эти принципы, может быть, и противоречили бы друг другу, если бы в международном праве не существовало некоего принципа, который помогает примирить их между собой. Таким принципом является принцип устойчивого развития, который, по мнению судьи Виранмантри, представляет собой нечто большее, чем просто концепцию: это, по сути, ещё один общепризнанный принцип современного международного права.

В своем стремлении развивать этот принцип Суд должен учитывать весь предыдущий опыт, накопленный человечеством, ибо на протяжении тысячелетий оно нуждалось в том, чтобы примирять принципы развития и заботы об окружающей среде. Отсюда можно сделать вывод, что идея устойчивого развития не нова, и сегодня для её дальнейшей разработки имеется богатый материал, накопленный на основе общемирового опыта.

В поддержку этого тезиса судья Вирамантри в своем особом мнении ссылается на примеры ряда цивилизаций древности, основу хозяйств которых составляла ирригация. Суду, в котором представлены основные формы цивилизации, следует исходить из векового опыта всех культур, особенно когда речь идет о тех областях международного права, которые сегодня находятся в состоянии развития. К числу принципов, которые можно вывести из опыта указанных культур, относятся принципы заботливого отношения к ресурсам земли, прав всех поколений, охраны флоры и фауны, уважительного отношения к земле, максимального использования природных ресурсов при одновременном сохранении возможности их возобновления, а также принцип, согласно которому процесс общественного развития и охраны природы должны идти рука об руку.

Излагая свое мнение, судья Вирамантри подчеркивает важное значение постоянной оценки воздействия тех или иных проектов на окружающую среду в течение всего периода их осуществления. Обязанность по оценке воздействия на окружающую среду не исчерпывается проведением таковой лишь перед началом осуществления проекта. В ходе такого постоянного мониторинга должны применяться нормы, действующие на момент оценки, а не на момент начала осуществления проекта [Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 1997-2002 годы. - Нью-Йорк: ООН, 2006. - С. 11].

В данном решении хотя суд и не дал определения категории «устойчивого развития», он признал полезность понятия, как инструмента в упорядочении соотношения сфер охраны окружающей среды и экономического

развития. Суд указал на устойчивое развитие как на «концепцию», замечая, что, хотя она и имеет определенный статус в международном праве, но она не является обязательной международно-правовой нормой. Стороны должны были, как это указано Судом, «по-новому взглянуть» на окружающую среду. Поэтому устойчивое развитие было признано, в первую очередь, как имеющее процедурный характер, которое требует рассмотрения обоих вопросов – окружающей среды и развития – в процессе принятия решений, но не предписывая конкретного результата.

Хотя в этом деле Международный суд и рекомендовал использование концепции устойчивого развития в суверенном правотворчестве, он не стал развивать ссылку на устойчивое развитие как на норму обычного международного права. Тем не менее, данное решение Международного суда нашло свое продолжение в его последующей практике [См. напр.: дело *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay)*. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&case=135&p3=4>].

Якубовская Н.А.,

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
доцент кафедры международного права и международных отношений,
кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМНОСТИ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПОМОЩИ НА ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ

Каждый год правительствами развитых государств и международными межправительственными организациями финансируется огромное количество кредитных и некредитных проектов в области развития на основе специальных соглашений, которые можно объединить под общим названием «соглашения о предоставлении помощи на цели развития». По сути, это любой международный договор, предметом которого является передача страной-донором либо международной многосторонней структурой (международной организацией, программой, фондом, агентством, банком развития и т.п.),